

мет решает пойти на завоевание города. Этот небольшой вариант подтверждает косвенно заподозренную нами выше связь между сказанием и повестью: он соединяет в одно обе статьи как рассказ о начале и конце Царьграда. Несколько иной интерес представляет дальнейшая цитата из хронографической повести (которая в этом случае пространнее искандеровской). Она подробнее говорит и дает освещение самому началу войны Магомета против Византии. Он начал войну „не по чину“, с нарушением существовавшего соглашения и клятв. Но на это дополнение и, пожалуй, подчеркивание путем повторения, незаконного действия Магомета едва ли можно смотреть, как на сохранение в хронографической повести более первоначального текста, нежели в искандеровской. Так можно было бы предполагать на основании такого „комплекса“, куда входит статья о происхождении турецких султанов („Откуда беша...“; см., например, Заб. 241, Заб. 445, Увар. 906). Эта статья помещена была в Хронографе и читалась еще в редакции 1512 года (гл. 202). В конце ее, действительно, сообщается о мире, бывшем между турками и греками еще при Иване Палеологе (брате Константина) и Амурате (отце Магомета). Византийцы оказали помощь Мустафе, восставшему против Амурата, почему у последнего и произошло столкновение с Иваном, но потом состоялось примирение, и мир продолжался при Магомете, наследовавшем Амурату. По взглядам составителя хронографической редакции повести, Магомет нарушил соглашение (заключенное его отцом) и мир без всякого повода со стороны Константина, соблюдавшего договор, заключенный с турками его предшественником. Всю отрицательную сторону поведения Магомета как будто и желал подчеркнуть составитель хронографической повести, допустив нечто вроде повторения.¹ Но фраза эта, помимо того, что по мысли она является ненужным повторением только что сказанного („бывый тогда в миру и в докончании с царем Константином“), заимствована из „Иного перевода“ (краткой повести) и в Троицк. 773 отсутствует. То же следует сказать и о следующей фразе хронографического текста, отсутствующей в Троицк. 773: отвергнув посольство греческого царя, Магомет „сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступи к царствующему граду“ (446). Последовательность фактов, казалось бы, на стороне хронографического текста, но это едва ли так. О том, что Магомет „обступи град“, речь была выше, а, кроме того, фраза эта рассекла сплошной рассказ: „он же безверен сый и лукав, посланники отосла, а град повеле бити пушками...“, как это и читается в издании Леонида (6). И эта фраза идет из „Иного перевода“ (краткой повести).

Приведенные сопоставления хронографического и искандеровского текстов показывают, что предпочтение в смысле первоначальности приходится отдавать последнему. Но в то же время в последнем списке, в том виде, в каком мы его знаем, несмотря на то, что он имеет чтения лучшие, нежели хронографический, мы всё же не можем видеть текст повести в ее первоначальном виде. Сравнительно с предполагаемым первоначальным текст Троицк. 773 уже претерпел, как и хронографический, и другие изменения, помимо вставки из „Откровения“

¹ Действительный же мотив (а не злую волю султана) нападения на Царьград Магомета указал „Иной перевод“: султан не мог допустить, чтобы был христианский град среди турок, не покоренный его державе (Троицк. 811, л. 298); действительно, всё греческое царство этого времени ограничивалось (не считая Эпира и Морей, давно отколовшихся от империи) стенами и ближайшими окрестностями Константинополя, остальное было в руках турок.